

ЕНИСЕЙСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписка принимается
въ Редакціи.

№ 16.

Цѣна годовому изданію
съ доставкою и пересылкою
ПЯТЬ руб. 50 коп.

1901 года. (18-й годъ.) 16-го Августа.

О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й.

1.

ПРИКАЗЪ

Енисейскаго Епархіальнаго Начальства
отъ 21 іюля за № 2239.

Отставной коллежскій регистраторъ Иванъ Александровичъ, согласно прошенію, на основаніи 198 ст. Уст. о службѣ Правит., т. III изд. 1896 г., опредѣляется вновь на государственную службу въ штатъ Енисейской духовной консисторіи канцелярскимъ чиновникомъ.

Распоряженія Епархіального Начальства.

На рапортѣ благочиннаго 2 участка Канскаго уѣзда протоіерея Андрея Херсонскаго, отъ 15 сего іюля за № 561, о пожертвованіи крестьянкою села Уярскаго Евдокіей Корнѣевой 160 рублей въ пользу Уярской Спасопреображенской церкви, Его Пресвященствомъ 18 сего іюля наложена слѣдующая резолюція: „Крестьянкѣ села Уярскаго Евдокіи Корнѣевой за пожертвованные ею въ пользу Уярской приходской церкви 160 руб. объявляется моя благодарность и преподается Божіе благословеніе, о чемъ и нанечатать въ Епарх. Вѣдомостяхъ“.

Священникъ Пророко-Ильинской церкви села Бѣлоярскаго, Ачинскаго уѣзда, Феодоръ Димитріевъ, согласно прошенію, 21 іюля с. г., уволенъ за штатъ.

Бывшій псаломщикъ Яковъ Нигровъ, согласно прошенію, 21 іюля с. г., опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Барабановскаго, Красноярскаго уѣзда.

Сынъ псаломщика Антонинъ Буяновъ, согласно прошенію, 26 іюля с. г., опредѣленъ и. д. псаломщика къ Николаевской церкви села Курайскаго, Канскаго уѣзда.

Мѣщанинъ Никифоръ Ульяновъ, согласно прошенію, 8-го августа с. г., опредѣленъ и. д. псаломщика къ Спасской церкви села Кежемскаго, Енисейскаго уѣзда.

16 іюня 1901 года присоединенъ къ православію бывшій политическо-ссылный г. Енисейска іудейской вѣры Маркъ Павловъ Замощинъ, 26 лѣтъ, съ нареченіемъ ему при св. крещеніи имени Маркъ.

8 іюля 1901 года присоединенъ къ православію еврей мѣ-

щанинъ города Берислава, Херсонской губерніи, Симсо Шлемовъ Штеринъ, 35 лѣтъ, съ нареченіемъ ему при св. крещеніи имени Симеонъ.

3.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія:

Ачинскаго уѣзда, въ с.с. Балахтонскомъ, Бирилюсскомъ, Бѣлоярскомъ; Канскаго уѣзда, въ с.с. Бакчетскомъ и Рыбинскомъ; Минусинскаго уѣзда, въ с.с. Кочергинскомъ, Сисимскомъ, Развѣзжемъ и Барантскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с. с. Бунбуйскомъ, Кемскомъ, Ярцевскомъ.

Діаконскія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. Солгонскомъ; Канскаго уѣзда, въ с. Троицко-Заводскомъ; Красноярскаго уѣзда, въ с. Есаульскомъ; Минусинскаго уѣзда, въ с.с. Никольскомъ и Шалаболинскомъ.

Псаломщическія:

Ачинскаго уѣзда, въ с.с. Чернорѣченскомъ, Красновскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с.с. Дубческомъ, Маковскомъ, Ярцевскомъ; Красноярскаго уѣзда, въ с. Барабановскомъ; Канскаго уѣзда, въ с. Уярскомъ; Минусинскаго уѣзда, въ с. Развѣзжемъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

ВОЗРОЖДЕНІЕ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

(Окончаніе).

VI.

Мнимыя „школы“ иконописи.

Великій сынъ великаго отца, царь Петръ Алексѣевичъ, сынъ тишайшаго царя, былъ послѣднимъ державнымъ покровителемъ иконописи. Въ 1703 году указомъ Петра Великаго была учреждена „палата изуграфствъ“, подчиненная суперъ-интенденту Ивану Петровичу Зарудному. Ему, „какъ искусному въ томъ художествѣ“, было поручено смотрѣть, чтобы иконы писались „благолѣпно и удобоподобно по древнимъ свидѣтельствуемымъ подлинникамъ и образамъ“. Вскорѣ, однако, „палата изуграфствъ“ была упразднена.

Послѣ Петра Великаго на Россію нахлынула такая широкая волна иноземщины, что высшее правительство перестало интересоваться ходомъ и процвѣтаніемъ русскаго иконописанія. Издавались, правда, по временамъ узаконенія противъ распространенія въ народѣ безобразныхъ иконъ, но духовныя лица, на которыхъ возлагалась забота слѣдить за иконописаніемъ, были фактически лишены возможности осуществлять эту трудную обязанность, равно какъ и полицейскія управленія и ремесленныя управы были совершенно некомпетентны и безпомощны въ дѣлѣ преслѣдованія распространителей безобразныхъ иконъ.

Словомъ, дѣло иконописанія было предоставлено слѣпому случаю, и въ концѣ XIX столѣтія едва не разразилась страш-

ная гроза. Объ этомъ рѣчь будетъ дальше, а пока необходимо коснуться одного очень важнаго недоразумѣнія, а именно вопроса о мнимыхъ „школахъ“ иконописи.

До самаго послѣдняго времени, когда рѣчь заходила о русской иконописи, постоянно употребляли выраженіе: „школы иконописи“. Разумѣется, при этомъ слово „школа“ употреблялось не въ смыслѣ „училища“, а въ томъ же смыслѣ, какой получило оно на Западѣ, при раздѣленіи произведеній живописи на школы (Голландская, Французская, Итальянская со многими подраздѣленіями и другія). Эти западныя художественныя школы, группируясь около какаго-либо выдающагося художника, отличаются одна отъ другой рѣзкими особенностями. По аналогіи стали различать и въ нашемъ иконописаніи школы или пошибы, при чемъ таковыхъ набралось мало-по-малу множество.

Иныя школы или письма именовались по мѣстностямъ (Новгородскія, Устюжскія, Московскія), другія по времени написанія (Петровскія), по мастерамъ (Ушаковскія), по именамъ покровителей (Строгановскія) и т. д. и т. д. Знатоки (подобно Ровинскому и Снѣгиреву), а за ними и любители, очень подробно старались опредѣлить особенности каждой школы, но безпристрастный наблюдатель, вникая въ эти опредѣленія, скоро убѣждался, что они заводятъ его въ какія-то непроходимыя дебри, изъ которыхъ ему нѣтъ никакой возможности выбраться, такъ какъ указываемыя особенности либо едва уловимы, либо встрѣчаются въ нѣсколькихъ различныхъ школахъ одновременно.

За послѣднее время спеціалисты подвергали провѣркѣ прежнее дѣленіе иконъ на школы, письма или пошибы, и пришли къ убѣжденію, что такое раздѣленіе не выдерживаетъ критики по неясности и часто неуловимости признаковъ. Разумѣется, по нѣкоторымъ особенностямъ письма можно приблизительно опредѣлить, къ какой эпохѣ относится икона и въ какомъ изъ главныхъ центровъ (Москва, Новгородъ, Суздаль) она была написана. Но отъ этого до систематическаго раздѣленія на школы еще очень

далеко. В. И. Успенскій, которому принадлежит заслуга критическаго разбора*) всѣхъ противорѣчій, въ которыя волей-неволей впадали классификаторы, признаеть, что „основаніемъ къ признанію существованія Строгоновской школы, напимѣрь, послужило нѣсколько десятковъ иконъ, помѣченныхъ на оборотѣ, что онѣ писаны для Строгоновыхъ, и нѣсколько иконъ съ надписью, что онѣ писаны людьми Строгоновыхъ. Но тотъ фактъ, что есть такія иконы, далеко не основаніе къ предположенію о существованіи Строгоновской школы“. Равнымъ образомъ не выдерживаетъ критики и сопоставленіе Строгоновской „школы“ царскимъ живописцамъ, такъ какъ при повѣркѣ оказывается, что произведенія, признававшіяся образцовыми, типичными произведеніями Строгоновской школы, принадлежать кисти мастеровъ государя. Наконецъ, если вѣрно мнѣніе профессора Снѣгирева, что иконописное заведеніе Строгоновыхъ находилось въ Москвѣ, на Швивой горкѣ, гдѣ былъ домъ Строгоновыхъ, то представляется непонятнымъ, почему же строгоновскіе мастера отличаются отъ московскихъ, выдѣляясь изъ нихъ въ особую школу.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать всю искусственность дѣленія иконъ на школы, напротивъ, не раздѣленіе, а поразительное единство проявляется въ иконописаніи XVI вѣка. Профессоръ Н. В. Покровскій совершенно правъ, говоря, что иконописцы временъ царя Алексѣя Михайловича, вызываемые изъ разныхъ мѣстъ къ царскому двору для иконнаго письма, получали здѣсь въ царской школѣ навыкъ въ хорошей иконописной работѣ и даже нѣкоторое художественное образованіе, а по возвращеніи домой они разносили уже по разнымъ мѣстамъ усвоенный въ Москвѣ иконописный шаблонъ и привычки. Поэтому, напимѣрь, замѣчается одинъ и тотъ же характеръ церковной стѣнописи въ XVII вѣкѣ и въ Москвѣ, и въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, и, отчасти, въ Новгородѣ.

*) Въ его Очеркахъ по исторіи иконописанія. Спб. 1899.

VII.

Фряжское вліяніе.

Въ средніе вѣка вліяніе византійскаго искусства господствовало на всемъ пространствѣ Европы. Стоитъ посмотрѣть на стѣнную живопись любого хорошо реставрированнаго храма романскаго стиля, напримѣръ, хоть собора въ Брауншвейгѣ, для того, чтобы почувствовать себя чуть-чуть не въ святой Софіи Кіева или Новгорода, до такой степени характеръ композиціи и самое исполненіе сходны и указываютъ на одинъ общій источникъ. Равнымъ образомъ, нѣкоторыя итальянскія произведенія XIV вѣка поразительно напоминаютъ иконы византійскія и древне-русскія.

Общность эта продолжалась, однако, лишь до эпохи Возрожденія. Съ возрожденіемъ классическаго міра, на Западѣ воцарилась красота. Икона уступила мѣсто картинѣ. Русь же осталась вѣрна преданіямъ старины.

Но съ теченіемъ времени западное „фряжское“ вліяніе все-таки стало вторгаться и въ русскую иконопись, что вызвало очень энергичныя мѣры со стороны патріарха Никона.

Онъ отбиралъ чрезъ своихъ людей даже изъ домовъ знатнѣйшихъ московскихъ боярь иконы, писанныя по образцу западныхъ картинъ, приказывалъ выкалывать глаза фигурамъ, изображеннымъ на иконахъ, и въ такомъ видѣ носить ихъ по городу, объявляя царскій указъ, угрожавшій строгимъ наказаніемъ всякому, кто осмѣлится впредь писать подобныя иконы. Въ церкви Никонъ предавалъ анаѣмѣ всѣхъ, кто будетъ писать или держать у себя въ домѣ фряжскія иконы. На подобныхъ иконахъ, по указу Никона, выскребали лики.

Патріархъ Іоакимъ сдѣлалъ распоряженіе, по которому глашатаи (бирючи) должны были выходить на торговыя площади и объявлять всенародно, чтобы „на бумажныхъ листахъ иконъ святыхъ не печатали и пѣмецкихъ еретическихъ не покупали, и въ

рядахъ по крестцамъ (площадямъ) не продавали“, угрожая жестокимъ наказаніемъ отъ великихъ государей.

Особенно характерно выражалъ свое негодованіе по поводу западнаго вліянія на русскую иконопись извѣстный расколоучитель протопопъ Аввакумъ.

„Охъ, охъ, бѣдная Русь!—восклицалъ онъ,—чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ. Не поклоняйся, рабе Божій, неподобнымъ образомъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, яко же и тріе отроки въ Вавилонѣ тѣлу золотому, поставленному на полѣ Денровѣ. Толсто же тѣлище то тогда вылитое, велико, что нынѣшніе образы, писанные по нѣмецкому. Да и много у нихъ измѣненія въ иконахъ тѣхъ: волосы расчесаны и ризы измѣнены и сложеніе перстѣ“.

VIII.

Надвигавшаяся бѣда.

Многовѣковое русское иконописаніе, просуществовавъ почти тысячелѣтіе, дожило до черныхъ дней.

Лишенная покровительства, руководительства и поддержки, наша народная иконопись продолжала въ XIX вѣкѣ лишь влачить жалкое существованіе.

Образованное общество отворачивалось отъ „суздальскихъ богомазовъ“, а народная масса вынуждена была довольствоваться произведеніями самаго плохого качества.

Но главная бѣда, черная смерть иконописи, надвинулась лишь къ концу вѣка, въ лицѣ капитализма, эксплуатаціи и машиннаго производства иконъ. Машина, печатаніе иконъ грозили задушить окончательно ручную иконопись. Съ этимъ чудовищемъ ей бы одной, безъ своевременной помощи, не совладать бы!

Однако, и въ самомъ кустарномъ производствѣ иконъ стали проявляться прискорбныя ухудшенія, злоупотребленія золоченою бумагой и плохую фальгой, дѣлавшія иконы крайне непрочными,

такъ что сложилась даже поговорка: „офеня домой, а икона съ полки долой“.

Надо удивляться, что при безотрадномъ положеніи, въ которомъ находилось за послѣднія десятилѣтія русское иконописаніе, еще сохранились на Руси цѣлыя села, исключительно занятія производствомъ иконъ. Наиболѣе извѣстны изъ ихъ числа три села Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, Метера, Холуй и Палехъ. Расположены они въ такой глуши, что рѣдко кто туда забирался, но въ послѣднее время съ производствомъ иконъ въ этихъ селахъ ознакомился мѣстный дѣятель В. Т. Георгіевскій, а прошлымъ лѣтомъ побывали въ нихъ графъ С. Д. Шереметевъ и извѣстный специалистъ по исторіи искусства Н. П. Кондаковъ. Послѣдній изложилъ свои наблюденія въ докладѣ Обществу древней письменности, изданномъ этимъ Обществомъ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: *Современное положеніе русской народной иконописи*.

Н. П. Кондаковъ свидѣтельствуетъ, что мастеровъ-хозяевъ, работающихъ только со своею семьей, осталось мало, всѣ мастера, за малыми исключеніями, превратились въ скупщиковъ или сами работаютъ на скупщиковъ и другихъ хозяевъ, на „заводы“, точнѣе, на иконныя фабрики. Знаніе рисунка становится большою рѣдкостью и даже особо оплачивается. Мастеровъ, которыхъ держали въ царскихъ мастерскихъ для „знаменованія“ иконъ, то есть для изобрѣтенія новыхъ рисунковъ или исправленія старыхъ, въ селахъ не существуетъ. Таланты, появляющіеся здѣсь, или уходятъ во все изъ прежней среды или переходятъ на тонкія работы подстаринныхъ иконъ.

Заработокъ тѣхъ иконописцевъ, которые остаются вѣрными старинному кустарному производству иконъ, дошелъ до минимума. Самый тяжелый, неотрывный, торопливый, сдѣльный трудъ иконника оплачивается нынѣ, какъ бы ни были велики умѣніе и опытность, всего по 42 к. въ день! Всевозможные же скупщики, перепродавцы, офени наживаютъ до 100% прибыли, при чемъ въ

ихъ интересахъ распространять самыя дешевыя, плохія и скоро портящіяся иконы, напримѣръ, такъ называемыя „бумажныя иконы“. Въ нихъ самыя иконы нерѣдко вовсе не пишутся, а наклеиваются въ видѣ карточекъ или листовъ, а золотая бумага, употребляемая вмѣсто фольги, вокругъ, держится всего какой-нибудь мѣсяць, и тогда уже открываются намалеванные грубо фоны или лики безъ доличнаго (то есть одеждъ).

Но злѣйшимъ врагомъ иконописанія является фальсификація иконы, поддѣлка образовъ подъ видомъ новѣйшей иконы на жести, производимой въ массахъ фирмами Жако и Бонакера въ Москвѣ. Н. П. Кондаковъ характеризуетъ этого врага иконы въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ: „Фирма Жако, владѣющая большимъ производствомъ коробокъ для ваксы, нашла, что она съ удобствомъ для себя можетъ совмѣстить выработку иконъ на потребу православнаго народа, и выхлопотала себѣ разрѣшеніе печатать и обдѣлывать свои отпечатки, такъ, чтобъ они совсѣмъ походили, „до обмана“, на иконы, продаваемыя въ Москвѣ. Жестыяныя поддѣлки получили у торговцевъ громадное преимущество передъ иконами, писанными на деревѣ, потому, что онѣ дешевле“.

Между тѣмъ, разъ ручное иконное дѣло перешло бы въ машинное, утратилась бы не только масса неуловимыхъ чертъ въ ликахъ святыхъ, которыя доступны лишь иконнику, живущему преданіемъ, но совершенно исчезли бы интереснѣйшія иконы со сложными сюжетами, которыхъ фабрикѣ, въ виду рѣдкости заказовъ, невыгодно дѣлать.

Н. П. Кондаковъ образно выразилъ надвигающуюся грозу въ слѣдующихъ словахъ: „Современныя мѣры, принимаемыя въ дѣлѣ хлѣба насущнаго, противъ всякихъ фальсификацій, не должны ли примѣняться и въ вопросахъ о хлѣбѣ духовномъ? Дѣло русскаго иконописанія живетъ среди насъ, это теперь утлый челнъ, еще плывущій по русскому взбаламученному морю, и не много надо усилій, чтобъ его поддержать, пока онъ еще плаваетъ, а

тѣмъ болѣе грѣхъ его топить, когда не знаешь, на чемъ быть можетъ придется спасаться“.

За профессоромъ Кондаковымъ останется слава, что онъ сильно и ярко указаль на надвигавшуюся бѣду.

IX.

Г р о з а м и н о в а л а .

Въ ту минуту, когда бѣда, грозившая самому существованію русской иконописи, казалась неминуемою и погибель ея неизбежною,—раздался спасительный глаголь.. Двухъ столѣтій, преисполненныхъ испытаній, какъ бы не бывало, снова повѣяло временемъ Тишайшаго царя, и дорогое Русскому православному народу дѣло русской иконописи принято подъ непосредственное покровительство Государя Императора!

Всякій Русскій человѣкъ, любящій свою родину и родное искусство, можетъ ликовать! Судьбы русскаго иконописанія обезпечены прочно и надежно. Предсѣдателемъ Комитета попечительства о русской иконописи назначень энергичный и извѣстный своими учеными трудами предсѣдатель Общества древней письменности, членъ Государственнаго Совѣта, егермейстеръ графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ, а непремѣннымъ членомъ-управляющимъ дѣлами Комитета профессоръ тайный совѣтникъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ, о заслугахъ котораго уже говорено выше. Членами Комитета будутъ представители разныхъ министерствъ и, сверхъ того, Комитету предоставляется приглашать свѣдущихъ людей.

Цѣль Комитета опредѣлена въ Положеніи*) о немъ очень ясно и полно: изысканіе мѣръ къ обезпеченію благосостоянія и дальнѣйшаго развитія русской иконописи; сохраненіе въ ней пло-

*] См. Церк. Вѣдом. 1901 г. № 13—14.

дотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ русской старины и художественной древности; содѣйствіе иконописи въ достиженіи художественнаго совершенства и установленіи дѣятельныхъ связей ея съ религиозною живописью въ Россіи вообще и церковною живописью въ частности.

Упомянутое объ этой послѣдней задачѣ очень важно. Рядомъ съ прискорбными явленіями, на которыя указано выше, проявились за послѣднее время такой грандіозный подъемъ творчества въ сферѣ религиозной живописи, какъ произведенія В. М. Васнецова и нѣкоторыхъ другихъ, и такое почтенное начинаніе, какъ иконописная школа въ Халуѣ, руководимая талантливымъ художникомъ Н. Н. Харламовымъ. Возрожденіе иконописанія должно идти объ руку съ этими отрадными явленіями.

Для достиженія намѣченныхъ цѣлей Комитету предоставляется: 1) открывать иконописныя школы въ иконописныхъ селахъ Владимірской губерніи, а по мѣрѣ потребности и въ другихъ мѣстахъ и завѣдывать этими школами; 2) содѣйствовать устройству при школахъ и внѣ ихъ артелей иконописцевъ, работающихъ по стѣннымъ росписямъ, для исполненія епархіальныхъ, правительственныхъ и общественныхъ заказовъ по росписи церквей и соборовъ; 3) издавать руководства и пособия для иконописцевъ и лицевой иконописный подлинникъ, состоящей изъ образцовыхъ снимковъ со святыхъ чудотворныхъ и особо чтимыхъ иконъ въ предѣлахъ Россіи и христіанскаго Востока и древнихъ памятниковъ византійскаго искусства на западѣ, и 4) открывать иконныя лавки въ городахъ для торговли лучшими произведеніями иконной промышленности, организовать иконописныя и подобныя имъ художественныя выставки, устраивать иконописные музеи и собранія.

Повидимому, не будетъ недостатка ни въ потребныхъ суммахъ, ни въ содѣйствіи центральныхъ вѣдомствъ, но главное—постановленія Комитета по возникающимъ въ немъ предположеніямъ о новыхъ мѣрахъ къ развитію иконописнаго дѣла, а равно по другимъ важнѣйшимъ дѣламъ, повергаются предсѣдателемъ Ко-

митета на Высочайшее благовозрѣніе Его Императорскаго Величества.

Повѣяло добрымъ старымъ временемъ, вспоминается свѣтлый образъ тишайшаго царя, загорается для русскаго иконописанія заря новаго золотого вѣка....

(Вят. Еп. Вѣд.).

А. В. Половцовъ.

2.

Особенному вниманію псаломщиковъ приходскихъ церквей.

Исчезаетъ совсѣмъ въ современномъ поколѣніи старый типъ церковно-служителя-дьячка. А много поучительнаго представляетъ этотъ типъ особенно для нынѣшнихъ нашихъ псаломщиковъ.

Если мы обратимъ вниманіе на внѣшній обликъ стараго „дьячка“, то уже по одному этому виду можно заключить, что онъ всего болѣе приближается къ „образу“ церковно-служителя. Такъ до 60 годовъ наши причетники носили длинные волосы и подрясники. Это внѣшнее приближеніе по одеждѣ къ лицамъ духовнаго сана невольно внушало къ нимъ уваженіе со стороны прихожанъ и отличало ихъ отъ мірянъ, въ особенности, если „образомъ“ своей жизни и поведеніемъ такой псаломщикъ стоялъ на высотѣ своего служенія. Въ іерархическомъ отношеніи совершенно необходимо, чтобы клиръ, даже внѣшнимъ своимъ видомъ, отличался отъ мірянъ. Въ богослужебные часы это придаетъ особое благолѣпіе, а въ остальные—можетъ служить нѣкоторою уздою, сдерживающею церковно-служителей отъ утѣхъ благами мірскими. Какъ хотите, а въ подрясникѣ все таки человекъ нѣсколько связанъ и по неволѣ долженъ быть воздержанъ отъ дѣйствій, несогласныхъ съ его положеніемъ, и поступковъ предосудительныхъ.

Какъ исполнитель своихъ прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей, старый псаломщикъ имѣлъ весьма много положительныхъ достоинствъ. Правда, онъ былъ не образованъ и большинство причетниковъ добраго стараго времени, какъ значится въ ихъ формулярахъ, „въ училищахъ не обучались“, но за то они практически подготовлялись къ своему будущему служенію. Старые дьячки не въ училищахъ, а отъ своихъ отцовъ съ малолѣтства знакомились съ уставомъ и пѣвцами; весь порядокъ службы знали твердо и это одно изъ выдающихся ихъ качествъ. Къ этому нужно прибавить ихъ отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей. Нужно только посмотрѣть, съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ старые дьячки проходили свою должность чтеца и пѣвца въ храмѣ. „Въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“ поется въ одной церковной пѣснѣ и наши старые псаломщики твердо помнили это изреченіе: они всю душу готовы были вложить въ чтеніе и пѣніе церковное. Если къ этому прибавить твердое и основательное знаніе устава церковнаго и точное исполненіе его, то это оставить одну изъ положительныхъ сторонъ причетниковъ прежняго времени. Не знали они устали и читали и пѣли все, положенное по уставу церкви, какъ бы ни было продолжительно церковное богослуженіе. При этомъ поведеніе ихъ въ храмѣ было положительно безукоризненное, и всѣ дѣйствія и поступки ихъ „благообразно и по чину“ бывали.

Одну изъ положительныхъ заслугъ старыхъ псаломщиковъ составляетъ также ихъ школьное учительство. Безъ всякихъ указовъ и предписаній, безъ понужденій, подтвержденій, штрафовъ и зыговоровъ, они несли эту, всецѣло лежавшую на нихъ, обязанность съ любовью и охотою. Извѣстно, что со временъ Владиміра святаго единственными учителями народа въ древней Руси были священники и причетники, которымъ еще первый Кіевскій митрополитъ Михаилъ заповѣдалъ „учити юныя дѣти якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благодѣлю... наипаче же предлагати имъ ученіе отъ закона Господня“. А въ прошломъ и въ началѣ

нынѣшняго вѣка дьячки были главными двигателями школьнаго обученія. Нужно было только посмотрѣть, говоритъ одинъ бытописатель того времени, когда старый дьячекъ явится въ церковь, станетъ на клиросѣ, облаченный въ стихарь и окруженный своими учениками, огласить своды храма торжественными аккордами древнихъ обиходныхъ напѣвовъ и внятнымъ псалмодическимъ чтеніемъ питомцевъ своей школы, тогда онъ въ глазахъ всѣхъ своихъ прихожанъ предстанетъ во всемъ величїи и важности своего званія. Возвышая дьячка во мнѣнїи прихожанъ, педагогическая дѣятельность его была вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасной школой для его псаломщицкой службы, и хорошей подготовкой къ іерейскому служенію. Не потому ли старые дьяки такъ прекрасно знали древнїе и мѣстные церковные напѣвы, что имъ приходилось самимъ постоянно упражняться въ нихъ, уча своихъ учениковъ пѣнію церковному и руководя ими въ храмѣ? Наши старые дьяки были, такъ сказать, живыми обиходами церковнаго пѣнія разныхъ распѣвовъ; ихъ напѣвами вдохновлялись многіе композиторы—возродители древняго церковнаго пѣнія на Руси. Изъ дьяковъ, усердно подвизавшихся на своемъ поприщѣ, выходили очень усердные и авторитетные іереи...

Съ 60 годовъ мѣняются коренные устои деревенской жизни, Одновременно съ этимъ мѣняется свой типъ и причетникъ. Мѣняется онъ прежде всего свое названіе „дьячка“ на „псаломщика“ мѣняется вѣншнїй видъ церковника, а также мѣняется и его нравственный обликъ.

Принадлежность къ духовному званію требуетъ и особой одежды для сего званія. До 60 годовъ этому требованію, какъ сказано было выше, подлежали не только священники и діаконы, но и низшіе клирики: дьячки и пономари. Въ концѣ 60 и началѣ 70 годовъ для псаломщиковъ сдѣлано исключеніе. И въ настоящее время трудно встрѣтить псаломщика въ такъ называемой духовной одеждѣ. Традиціонную одежду причетниковъ—подряспикъ оставили уже даже старые дьячки, прежде ее носившіе.

Въ стихарь теперь псаломщики облачаются, и то не всегда,—лишь при встрѣчѣ Архіерея. Современнаго псаломщика въ церкви трудно отличить отъ обыкновеннаго посѣтителя храма и богомольца, такъ что чужому и незнакому богомольцу извѣстной приходской церкви затруднительно бываетъ найти псаломщика, если къ этому бываетъ у него нужда. Но этого мало. Разрѣшеніе псаломщикамъ носить обычную мірскую одежду доводитъ до крайностей и даже неприличія въ выборѣ костюмовъ. Эта пестрота и разнообразіе въ одеждѣ зачастую вызываетъ порицаніе со стороны епархіальныхъ Преосвященныхъ, которые циркулярно вынуждены бываютъ обращаться къ псаломщикамъ съ словомъ обличенія и выговора. Такъ Преосвященный Владиміръ, епископъ Оренбургскій, въ прошломъ году далъ консисторіи такое предложеніе: „Нѣкоторые псаломщики являлись ко мнѣ въ красныхъ рубахахъ съ цвѣтными шнурами вмѣсто галстуховъ, другіе въ пиджакахъ, поддевахъ и разныхъ балахонахъ, большая часть псаломщиковъ коротко острижены. Усматривая во внѣшней небрежности вида псаломщиковъ не только неприличіе, но и признаки омірщенія клириковъ, поручаю консисторіи распорядиться чрезъ оо. благочинныхъ и напечатаніемъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, чтобъ волосы не стригли коротко. Слѣдить за исполненіемъ неуклонно, исключеній не дѣлать ни для кого. Ставленники также должны подчиняться сему правилу“*). Это распоряженіе Оренбургскаго преосвященнаго относится ко всѣмъ новымъ псаломщикамъ, франтовство которыхъ и щегольство въ одеждѣ не знаетъ должныхъ границъ, а пестрота ужасная.

Насколько старые псаломщики отличались аккуратностію и исполнительностію, строгимъ выполненіемъ устава церковнаго и благолѣпнѣе въ исполненіи церковно-богослужебнаго чтенія и пѣнія, настолько современные причетники отличаются небрежностію и нарушеніемъ чина и устава. Такъ, псаломщикъ, какъ низшій членъ клира, обязанъ всегда раньше настоятеля являться въ свой при-

*) Оренб. Епар. Вѣд. 1899 г. № 6.

ходскій храмъ, подготовить все необходимое къ богослуженію и ожидать священника. Что же мы видимъ на дѣлѣ? Часто священникъ, явившись въ храмъ, долженъ ожидать причетника, по нѣсколько разъ посылая за нимъ, при чемъ иной въ свое оправданіе говоритъ, что онъ не слыхалъ звона церковнаго, другой думалъ, что еще рано и потому не приходилъ, а найдутся и такіе, что скажутъ своему настоятелю какую нибудь дерзость и непріятность. Неаккуратное и несвоевременное прибытіе псаломщиковъ въ храмъ начинается входить въ столь распространенную практику, что епархіальная власть бываетъ вынуждена напоминать объ ихъ обязанностяхъ и побуждать нерадивыхъ быть болѣе рачительными къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. По этому поводу преосвященный Самарскій сдѣлалъ такое распоряженіе: „Псаломщики, какъ и діаконы, обязательно должны являться къ церковнымъ службамъ до благовѣстія, по крайней мѣрѣ за полчаса, чтобы надлежащимъ образомъ приготовить все, что требуется для совершенія богослуженія, вымести полъ въ алтарѣ, смахнуть и стереть пыль съ престола и жертвенника, что лежитъ на прямой обязанности діакона, а равно—съ св. иконъ въ алтарѣ и иконостасѣ, что—на обязанности псаломщика, какъ и вымести въ алтарѣ полъ... Все это обязательно должно быть исполнено предъ каждымъ богослуженіемъ. Чистота и опрятность въ алтарѣ и храмъ должны быть безукоризненны вполнѣ“*).

Не смотря на то, что подобнаго рода распоряженія преосвященныхъ повторяются неоднократно и въ другихъ епархіяхъ, псаломщики бываютъ очень не аккуратны въ этомъ отношеніи, а при напоминаніи не любятъ слушать замѣчаній священника и относятся очень недружелюбно къ тѣмъ своимъ настоятелямъ, которые дѣлаютъ имъ замѣчанія и читаютъ нотации. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что псаломщики новѣйшей формаціи какъ

*) Самар. Епарх. Вѣд. 1899 г. № 6.

то странно, чтобы не сказать болѣе, относятся къ своимъ настоятелямъ. Рѣдко можно встрѣтить, гдѣ бы между священникомъ и псаломщикомъ существовали откровенныя и дружескія отношенія. Напротивъ, какое то недовѣріе, недружелюбное и даже враждебное отношеніе псаломщика къ священнику замѣчается во многихъ приходахъ.

Большинство раздоровъ и несогласій между священниками и причетниками возникаетъ влѣдствіе того, что теперешніе псаломщики слишкомъ высоко мнятъ о себѣ, забываютъ о томъ, что они, стоя на низшей ступени іерархической лѣстницы, должны съ почтеніемъ и уваженіемъ относиться къ лицамъ, стоящимъ ихъ выше по сану и положенію; а много-ли найдется молодыхъ псаломщиковъ, которые оказывали бы хотя вѣншіе знаки почтенія іерейскому сану? Много ли теперь псаломщиковъ, берущихъ благословеніе у настоятеля, что обязаны дѣлать не только псаломщики, но и діаконы? Много ли можно встрѣтить псаломщиковъ, которые стараются поддержать авторитетъ священника въ приходѣ, а не подрывать его? Такое отношеніе низшихъ членовъ клира къ своему настоятелю, разумѣется, не можетъ вести къ надлежащимъ и нормальнымъ отношеніямъ между ними.

Къ этому еще нужно прибавить, что нынѣшніе псаломщики не имѣютъ той любви и охоты къ прохожденію своей службы, какъ дьячки добраго стараго времени. Они смотрятъ на исполненіе своихъ обязанностей чисто формально и ко всему, что не входитъ въ кругъ прямыхъ ихъ обязанностей, относятся чисто формально и даже пренебрежительно. Не смотря на постоянныя напоминанія, замѣчанія, выговоры и штрафы, наши псаломщики и теперь относятся къ церковнымъ школамъ совершенно индифферентно.

Необходимо поэтому требовать, чтобы псаломщики и по вѣншему и по внутреннему расположенію удовлетворяли своему назначенію. Всѣмъ извѣстно, что молодые псаломщики совершенно забыли объ одеждѣ своихъ предшественниковъ и употребляютъ

самую разнообразную, доходящую иногда въ духовномъ лицѣ до неприличія, одежду. Русскій коренной человѣкъ въ православномъ храмѣ привыкъ видѣть духовныхъ лицъ въ присущей имъ одеждѣ, той одеждѣ, какая и теперь употребляется въ монастыряхъ и кафедральныхъ соборахъ не только для лицъ, носящихъ священный санъ, но и для причетниковъ и послушниковъ. Какъ было бы хорошо и благоприлично, если бы наши псаломщики, по крайней мѣрѣ въ храмѣ, облачались если не въ подрясники, то въ болѣе или менѣе длинную одежду, избѣгая куцыхъ безобразныхъ костюмовъ, вызывающихъ невольную улыбку у русскаго человѣка, называющаго такихъ франтовъ „поджарыми“ и „кургузими“*). Затѣмъ, вполне желательно, чтобы въ храмѣ при совершеніи богослужебныхъ дѣйствій они облачались въ стихарь, для чего служатъ разрѣшенія и даже распоряженія многихъ епархіальныхъ начальствъ. Совершенно иной взглядъ и иное отношеніе прихожанина будетъ къ псаломщику, если онъ видитъ его въ стихарѣ. Въ такомъ видѣ псаломщикъ будетъ заслуживать гораздо большаго почета и уваженія со стороны своихъ прихожанъ. Еще приличнѣе будетъ, если псаломщикъ, облачающійся въ стихарь, будетъ стричь свои волосы не очень низко, какъ это вошло теперь въ моду, а такъ, какъ духовному лицу подобаетъ**]. Внѣшній видъ—есть первое впечатлѣніе, которое производитъ одинъ человѣкъ на другого. Приличная же внѣшность соотвѣтствуетъ занимаемому имъ положенію въ свѣтѣ и о человѣкѣ составляется довольно выгодное для него мнѣніе.

Но еще болѣе заслужить вниманія и уваженія къ себѣ тотъ

*) Намъ не одинъ разъ приходилось слышать выраженіе негодованія присутствовавшихъ въ храмѣ прихожанъ, когда псаломщикъ, одѣтый въ куцый «спинжакъ», не покрывающій всей спины, выходилъ на средину церкви читать Апостолъ. Примѣч. редакціи Ек. Еп. Вѣд.

***) А также не отпускать усомъ, уподобляя ихъ стрѣламъ, направленнымъ въ уши. Отчего-бы псаломщикамъ не носить бороды? Неужели имъ нравится процессъ бритія и для этого имѣется достаточно праздничнаго времени. Примѣч. Редакціи Ек. Еп. Вѣд.

псаломщикъ, который съ внѣшнимъ видомъ позаботится и о внутреннихъ своихъ качествахъ и достоинствахъ. Онъ долженъ быть прежде всего глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и свои религіозныя убѣжденія проявлять во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Въ храмѣ и внѣ храма онъ долженъ избѣгать всего того, что бы могло подрывать его авторитетъ, какъ ближайшаго помощника священника. Поэтому къ священнымъ предметамъ онъ долженъ относиться съ полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ; чтеніе и пѣніе совершать истово и съ благоговѣніемъ; устава церковнаго не нарушать и твердо помнить, что храмъ есть домъ Божій и проклять всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ. Что же мы видимъ? Не говоря уже о томъ, сколь иногда предосудительно ведутъ себя эти сослужители и сотрудники священниковъ внѣ храма Божія, неблагоговѣйность многихъ изъ нихъ представляется особенно оскорбительною для религіознаго чувства въ храмѣ. Бросается невольно въ глаза и крайне прискорбно бываетъ, когда псаломщики являются въ храмъ выпивши, дѣйствуютъ такъ, какъ свойственно нетрезвымъ. Въ алтарь входятъ они съ меньшимъ почтеніемъ, нежели въ домъ уважаемаго прихожанина. Многіе изъ нихъ позволяютъ себѣ входить въ это св. мѣсто безъ всякой надобности, ни помолясь, ни перекрестясь. Посмѣются на клироу, оглядываются при входѣ и выходѣ каждаго богомольца, разговаривать громко и смѣяться, пройти по церкви безъ всякой надобности, по ихъ понятію, ничего не значить, хотя они и читаютъ: „въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“. Что сказано относительно храма, то слѣдуетъ замѣтить и о другихъ мѣстахъ, въ которыхъ приходится причетнику бывать въ качествѣ чтеца и пѣвца и принимать участіе въ совершеніи требъ церковныхъ.

Твердое знаніе устава церковнаго и неуклонное выполненіе его безъ всякихъ сокращеній и отступленій, осмысленное и выразительное чтеніе, а также строго-церковное, обиходное пѣніе должны быть отличительною чертою каждаго правоспособнаго пса-

ломщика. Старые дьячки не въ училищахъ, а отъ своихъ отцовъ съ малолѣтства знакомилсь съ уставомъ и напѣвами; весь порядокъ службы знали твердо и этимъ гордились среди своихъ собратій. Для молодыхъ псаломщиковъ, съ малолѣтства оторванныхъ отъ дому, при поступленіи на мѣсто, изученіе полного устава безъ опытнаго руководителя становится тяжело;—и вотъ онъ, усвоивъ кой-какъ поверхностно, съ этими свѣдѣніями и пробивается всю жизнь. Загляните въ сельскую одноприходную церковь, гдѣ только священникъ и псаломщикъ, загляните въ такое время, когда два-три праздника приходится въ одинъ день, или въ великій постъ, особенно на страстной седмицѣ,—вы, даже мало знакомый съ ходомъ церковныхъ службъ, не можете не замѣтить отступленія отъ устава*), не услышать дикаго напѣва причетника, одиноко стоящаго на клиросѣ. Чѣмъ рѣже что поется въ церкви, тѣмъ оно псаломщику незнакомѣ,—и онъ пускается въ изобрѣтенія. Нужна глубокая сосредоточенность духа молящемуся, чтобы устоять при напорѣ соблазна съ клироса. А нашъ народъ настолько ли развитъ духовно, чтобы усвоить себѣ въ церкви такую сосредоточенность? Богослуженіе стройное умиляетъ его душу; молитва въ нее привходитъ, какъ бы совнѣ; тамъ, гдѣ стройно поютъ и внятно читаютъ, крестьянинъ ощущаетъ потребность молиться; а гдѣ нѣтъ ни того ни другого, онъ стоитъ безсознательно. И вотъ, вслѣдствіе этого, сельскія одноприходныя церкви, во время преждеосвященныхъ литургій, во время службъ страстной седмицы, бываютъ пусты совершенно. Вслѣдствіе этого, крестьяне тѣхъ сель и деревень, гдѣ есть раскольники, не видя въ своемъ храмѣ насущной пищи по своему вкусу, для утоленія духовнаго голода, нерѣдко отправляются въ раскольничью моленную, гдѣ виѣшняя обстановка не безъ эффекта. А знакомство простеца съ моленной рѣдко не оканчивается совращеніемъ въ расколь.

Всякое чтеніе, а тѣмъ болѣе чтеніе церковно-славянское, требуетъ пониманія читаемаго, и только въ этомъ случаѣ оно

можетъ быть осмысленнымъ и въ состояніи производить впечатленіе на слушателей; а потому для улучшенія церковнаго чтенія необходимо заставлятъ чтецовъ изучать славянскую рѣчь настолько, чтобы при чтеніи они не задумывались надъ словами, а произносили ихъ надлежащимъ образомъ, обращая вниманіе на знаки препинанія и ударенія.

[Окончаніе будетъ].

3.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Закрытіе педагогическихъ курсовъ учащихся церковно-приходскихъ школъ Енисейской епархіи.

Во вторникъ, 31 іюля, состоялся актъ по случаю окончанія занятій на педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ Енисейской епархіи. Въ этотъ день, въ 12 ч. дня, Преосвященнымъ Евѳиміемъ былъ совершенъ молебенъ въ домово́й архіерейской церкви, куда собрались все слушатели и слушательницы курсовъ, во главѣ со своими руководителями. Послѣ молебна Его Преосвященство сказалъ напутственное слово отъѣзжающимъ учителямъ и учительницамъ, а потомъ все отправились въ зданіе духовной семинаріи, гдѣ происходили занятія курсовъ. Вскорѣ же сюда прибылъ Его Преосвященство, Епископъ Евѳимій, Г. Начальникъ губерніи М. А. Плещъ, уп-

равляющій казенной палатой В. В. Юрборскій, начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія г. Вознесенскій, исп. об. вице-губернатора г. Доброхотовъ и директоръ народныхъ училищъ Енисейской губерніи И. И. Чтецовъ, а также г. г. руководители курсовъ, нѣкоторые священники городскихъ церквей и немногочисленная посторонняя публика.

Актъ начался пѣніемъ молитвы: „Днесъ благодать св. Духа насъ собра“, послѣ которой инспекторомъ курсовъ, прот. Лотоцкимъ, была произнесена рѣчь.

По окончаніи рѣчи о. М. Лотоцкаго, хоръ слушателей и слушательницъ курсовъ исполнилъ „Гимнъ св. Кириллу и Меодію“, за которымъ послѣдовало чтеніе краткаго отчета о курсахъ. Послѣ того, какъ хоръ исполнилъ „Гимнъ св. вел. князю Владиміру“, Его Преосвященство и Г. Начальникъ губерніи роздали слушателямъ и слушательницамъ свидѣтельства о бытіи на курсахъ и о правѣ преподавать пѣніе.

Затѣмъ тотъ же хоръ исполнилъ отрывокъ изъ „Жизни за Царя“: „Боже, храни Царя“ и народный гимнъ. Актъ закончился пѣніемъ молитвы: „Достойно есть“.

Торжество закончилось рѣчью одного изъ курсистовъ, діакона Подгайскаго, въ которой онъ выразилъ отъ лица слушателей и слушательницъ глубокую благодарность руководителямъ курсовъ за труды по организаціи ихъ, а также указалъ на ту громадную пользу, которую, безъ сомнѣнія, почерпнули слушатели и слушательницы изъ занятій на курсахъ. Точно также о. діаконъ благодарилъ за ту сердечность, съ которой руководители относились къ нимъ, скромнымъ труженикамъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, и еще разъ поблагодарилъ г. г. руководителей, но уже отъ лица народа, который тоже чувствуетъ благодарность за то, что ему даютъ болѣе совершенныхъ учителей.

Послѣ этого почетные гости удалились.

Въ настоящее время большинство слушателей и слушательницъ курсовъ разѣхались къ мѣстамъ своего служенія.

Зала, въ которой происходилъ актъ, была скромно декорирована зеленью. „Енисей“.

Содержаніе № 16. Отдѣлъ оффиціальныи—1. Приказъ Епарх. Начальства.—2. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—3. Вакантныя мѣста.

Отдѣлъ неоффиціальныи.—1. Возрожденіе русской иконописи.—2. Особенному вниманію псалемщиковъ —3. Мѣстная хроника.

Редакторъ **А. Насатинъ**.
Печ. разрѣш Цензоръ, Ректоръ Красн. дух. сем, Прот. **Н. Асташевскій**.

Красноярскъ. Типографія Ал. Д. Жилина.